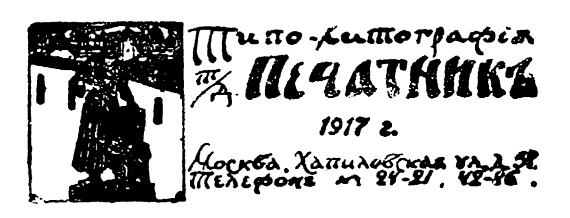
МОНАРХІЯ
и РЕСПУБЛИКА.

МОСКВА—1917.

Типо-литографія
т/д. ПЕЧАТНИКЪ
1917 г.
Москва. Хапиловская ул. д.
Телефонъ

Монархія и республика.

„Монархъ“—слово не наше,—греческое; сложено оно изъ двухъ словъ: „моносъ“ и „архосъ“. „Моносъ“—значитъ *одинъ*; „архосъ“—властитель (правитель, начальникъ). „Монархія“, стало-быть, такое устройстве жизни народной, въ которомъ одинъ человѣкъ—властитель надъ всѣмъ народомъ.

Одинъ онъ, и никто больше. Всѣ остальные, весь народъ—его подданные, подъ власть ему данные.

Холопы вѣрные,—какъ въ старину говорили. Холопъ—рабъ значитъ.

Есть и еще слово,—не наше, латинское,—„императоръ“. Императоръ—значитъ повелитель. И все такое устройство жизни, вмѣсто монархіи, имперіей называется.

На нашемъ языкѣ есть и другое, наше, понятное намъ слово. Слово это самодержецъ, самодержавіе.

Такъ и нашъ царь („монархъ“, „императоръ“,—по-чужому) себя называлъ: „самодержецъ“. Такъ въ законѣ нашемъ было написано: „Самодержавный царь“, „Самодержецъ всея Россіи“. Такъ и духовенство наше многолѣтіе царю возглашало: благочестивѣйшему, *самодержавнѣйшему* императору нашему“.

Это значитъ,—самъ онъ всю судьбу всего народа, всю волю, всѣ права народа въ рукахъ своихъ держитъ.

Одинъ онъ,—и никто другой. И держава его (то, что онъ въ рукахъ своихъ держитъ)—вся Русь, весь народъ, или, лучше сказать,—всѣ народы, которые въ Россіи живутъ. Онъ и законы пишетъ, онъ и судитъ и народомъ всѣмъ правитъ,—порядки наводитъ. Онъ и войну другому

царю объявляетъ, и миръ, и всякіе договоры съ чужимъ царемъ заключаетъ. Онъ и подати, и всякія повинности на народъ налагаетъ, и казной народной,—деньгами, съ народа собранными, распоряжается.

Не самъ, разумѣется, все царь дѣлаетъ,—дѣлаютъ по его приказу, по волѣ его царскіе чиновники, имъ самимъ на дѣло поставленные: царю они служатъ,—не народу; его приказъ, одну его волю царскую исполняютъ; передъ нимъ и отвѣтъ держатъ.

Кто же и когда весь народъ одному человѣку подъ власть отдалъ,—подданными, вѣрными холопами, рабами сдѣлалъ?

Въ далекую-далекую сѣдую старину, о которой нѣтъ никакихъ записей, нарождалась власть одного человѣка надъ другимъ. Сильный сталъ понуждать слабаго, сталъ распоряжаться имъ. Записи о жизни всѣхъ народовъ, какія только сохранились, говорятъ уже о томъ, что у каждаго народа въ ту пору, съ которой записи повелись, народилась власть одного.

Въ силу входила эта власть, когда люди воевали другъ съ другомъ, когда одинъ народъ нападалъ на другой.

Храбрый, сильный, умѣлый вокругъ себя собиралъ дружину-рать. Мирный народъ продолжалъ своимъ мирнымъ дѣломъ заниматься, а начальникъ (вождь) со своей ратью войной промышлялъ: то своихъ охранялъ, то самъ нападалъ, чтобы чужимъ добромъ поживиться... Всѣ пожитки, всю дань, что съ побѣжденныхъ получалъ, себѣ бралъ, дружину свою одѣлялъ.

Годъ за годомъ, десятокъ лѣтъ за другимъ, сотня за сотней,— и сталъ понемногу этотъ *одинъ*—князь съ дружиной и всѣмъ народомъ править, права у него отнимать; а вокругъ него собрались и прислужники изъ зажиточныхъ людей, которымъ выгодно было, чтобы остальной народъ безправнымъ былъ, а у нихъ было больше льготъ разныхъ попустительствъ да правъ другими распоряжаться.

Такъ и у насъ было.

Тысячу лѣтъ тому назадъ наша теперешняя Русь состояла изъ отдѣльныхъ земель-княженій. Была земля Кіевская, Смоленская, Владимирская, Муромская, Новгородская, Псковская и много другихъ. И въ каждой землѣ свой князь былъ со своей дружиной. И въ судѣ, и въ управленіи народомъ за нимъ верхъ былъ. Но не было у него въ ту пору *всей полной воли* своей, какую потомъ цари захватили.

Народъ въ ту пору самъ избиралъ князя,—и могъ неугоднаго ему прогнать и вмѣсто него призвать другого князя. Народъ могъ и войну объявлять, и миръ заключать. И если войну объявлялъ,—назначалъ или поголовное ополченіе, или только одной части народа на войну итти. И если войны не хотѣлъ, въ ополченіи князю отказывалъ,—могъ князь только охотниковъ вызывать.

Чтобы обсудить дѣла свои, собирался народъ на „вѣче“. Вѣче—это и есть народное собраніе. Оно и рѣшало: какому быть князю на его землѣ, принять или не принять народу войну.

Только и тогда не весь народъ, который населялъ каждую землю, въ равныхъ правахъ былъ.

Были и тогда бѣдные люди, которые закупались богатымъ людомъ.

Такъ и назывались они „закупами“: обрабатывали они не свою, а чужую землю, пользовались хозяйской лошадью, хозяйской сохой, сѣменами, а иной разъ и деньгами одолжались.

Такіе люди—„закупы“—не могли участвовать въ „вѣче“ подавать свой голосъ въ такихъ дѣлахъ.

А стоило только закупу проштрафиться, не выполнить договора, какъ превращался онъ въ „холопа“, въ раба своего господина.

Кромѣ закуповъ, были, какъ видно изъ сказаннаго, еще холопы,—рабы. Состояли они изъ проштрафившихся закуповъ; въ холоповъ обращались и всѣ военноплѣнные.

Ну, а холопъ считался уже не человѣкомъ, а вещью

права имѣть что-либо свое собственное— ему дано не было. И могъ господинъ его дѣлать съ нимъ все, что захочетъ,— могъ продать его, могъ убить его,—и не имѣлъ холопъ накакого права жаловаться на своего господина. Не было для него ни суда, ни заступы.

То и дѣло князья воевали другъ съ другомъ,—надрывали народъ, разоряли земли.

Хотя всѣ они въ родствѣ другъ съ другомъ состояли и не разъ соглашались слушаться добраго совѣта старшаго изъ нихъ (великаго князя),—но и конца не было ихъ междоусобицамъ. Въ этой войнѣ выгадывали умѣлые.

Благодаря такой розни да междоусобицамъ, легче и покорили подъ себя татары русскія земли. Много способствовало иго татарское укрѣпленію княжеской власти: передъ ханомъ—князь былъ отвѣтчикомъ,—съ князя ханъ дань спрашивалъ, а князь—съ народа требовалъ. Умѣлые да угодливые князья въ ту пору еще твéрже укрѣпляли свою власть надъ народомъ.

Маленькой землей была земля Московская,—а князья ея сумѣли другія земли присоединить къ ней.

Особеннаго успѣха въ этомъ дѣлѣ добился великій князь Московскій Иванъ III (собиратель земель). Гдѣ по родству княжескому, а гдѣ силой да кровавой расправой покорялъ онъ подъ себя другія земли.

Какъ бѣльмо на глазу, были для него вольные города— Новгородъ Великій да Псковъ, гдѣ вѣче сохранялось. Покорилъ подъ себя Иванъ III вольный Новгородъ,—лишилъ его вѣча.

А сынъ его, Василій III, покорилъ послѣдній вольный городъ—Псковъ,—послѣднее вѣче рушилъ... И стала земля Московская самой большой,—русскимъ государствомъ.

А чѣмъ сильнѣе становился князь, чѣмъ больше становилась земля, которою онъ правилъ,—тѣмъ больше отнимали князья правъ у народа, тѣмъ безправнѣе становился народъ.

И все ревнивѣе блюли князья свою власть надъ безправнымъ народомъ.

Московскій великій князь Иванъ Грозный пожелалъ „вѣнчаться на царство“,—царемъ сталъ величаться... „Самодержцемъ“ себя звалъ „рожденнымъ на царство“. „Россійскіе самодержцы,—писалъ этотъ царь,—изначала сами владѣли всѣмъ царствомъ“...

„Доселѣ,—говорилъ онъ,—русскіе владѣтели не давали отчета никому, но повольны были *подвластныхъ своихъ жаловать и казнить*“.

Не терпѣлъ этотъ грозный царь, ревнивый къ своей власти, ничьей воли.

Все представлялось ему,—хочетъ народъ уйти изъ-подъ его воли, власть его рушить. Заподозрѣлъ онъ въ томъ и Новгородъ, вѣча давно лишенный: пришелъ съ войскомъ да со своими вѣрными сподручными—„опричниками“, что страхъ на народъ своей лютостью нагоняли. Разгромилъ весь народъ, всю округу кровью залилъ. Сорокъ тысячъ новгородскаго народа перебилъ, въ рѣкѣ Волховѣ перетопилъ.

Совсѣмъ покорили цари свой народъ,—отняли у него послѣднюю волю... Царскіе воеводы царскимъ именемъ стали править народомъ.

Только напрасно цари московскіе считали себя такими самодержцами, что ни къ чьему голосу прислушиваться они не должны и могутъ всѣхъ жаловать и казнить безъ разбору, безъ удержу.

У народа-то голосъ совсѣмъ они отняли,—совсѣмъ его волей обездолили. А доводилось и имъ въ трудныхъ случаяхъ земскіе соборы собирать... Правда, ни холопу, ни крестьянину, къ землѣ прикрѣпленному, мѣста на соборахъ этихъ, какъ безправному, не было,—но были все же посадскіе, городскіе, торговые люди.

Это бывало очень рѣдко.

Но богатые, именитые люди—бояре, когда весь народъ вольнаго голоса лишился,—еще удерживали за собою кое-

какія права. Боярская Дума вмѣстѣ съ царемъ рѣшала иныя дѣла, совѣтчикомъ царю была; не интересы всего народа, а свои, боярскіе, защищала она.

Но чѣмъ больше укрѣплялась царская власть, тѣмъ меньше могла она мириться съ другой волей, дѣлить съ кѣмъ-другимъ свою власть,— терпѣть подлѣ себя указчика.

Потеряли и бояре свою Боярскую Думу.

Прежній князь-воинъ, котораго народъ могъ съ княженія прогнать, новымъ замѣнить,—сталъ полновластнымъ царемъ, самодержцемъ. Одинъ онъ,—и никто другой,—властелинъ надъ всѣмъ народомъ. Никому онъ отвѣта не даетъ. Никто и отвѣта у него спрашивать не смѣетъ... И чтобы еще крѣпче было, и мысли не было, что царь не самодержецъ,— стали цари наши императорами (повелителями) величать себя.

Такъ, князь древней земли (князь-воинъ) въ великаго князя переименовался, изъ великихъ князей—въ цари, изъ царей—въ императоры. И царство Россійское имперіей Россійской стало зваться. Царь Петръ I—императоромъ сталъ. „Его величество есть самодержавный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли по своей волѣ управлять“,—утверждаетъ этотъ императоръ.

Въ „Правдѣ воли монаршей“, опубликованной въ 1772 г. по его приказу, сказано: „народъ долженъ безпрекословно подчиниться волѣ государя“... Народъ не можетъ что-нибудь повелѣть своему государю, не можетъ перемѣнить его хотя бы онъ оказался не такимъ, какимъ народъ ожидалъ его видѣть... „государь можетъ закономъ повелѣть своему народу не только то, что къ его пользѣ относится, *но и все то, что ему только понравится*“.

Это было время, когда ученые за границей, чтобы и въ безпокойныхъ мысляхъ оправдать царскую власть стали говорить, что власть царя на молчаливомъ соглашеніи народа утверждается. Не вѣдали словно они, не доискались

до корня, что власть одного надъ всѣмъ народомъ не добровольнымъ соглашеніемъ, а насиліемъ утверждалась.

И вотъ въ этой же „Правдѣ воли монаршей" сказано: „и сама наслѣдная монархія имѣетъ начало отъ перваго въ народѣ соглашенія", а если которыя монархіи начало повели отъ одного насильника („превозмогающаго въ народѣ человѣка"), „насиліемъ себѣ народъ покорившаго", такъ „самъ народъ добровольнымъ своимъ преклоненіемъ являетъ на то свою волю".

И выходитъ,—куда ни повернись, вездѣ самъ виноватъ. Совсѣмъ даже нелѣпо выходитъ: съ одной стороны, если ты противъ царя, тебя покорившаго, не поднимаешься,—значитъ, на то твоя воля, чтобы царь тобой правилъ; а съ другой стороны,—подняться противъ царя ты не смѣешь и перемѣнить его не смѣешь, хоть онъ совсѣмъ не такой, какого ты хочешь,—а долженъ ты *безпрекословно* подчиняться его волѣ,—повелѣть же онъ можетъ не только то, что тебѣ въ пользу, а и то, что ему понравится...

Это объясненіе болѣе для „книжныхъ людей",—на молчаливомъ, молъ, соглашеніи съ народомъ царь утвердился и мудрить тутъ нечего. А для простого народа—другое:

„Царь—помазанникъ Божій"! Такъ, къ великой печали, духовенство всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ темный, безправый, забитый народъ учило.

На небѣ—Богъ, на землѣ—царь, земной богъ, полный владыка своему народу.

Такъ учило оно, чтобы въ душѣ темный, безправый, забитый народъ не смѣлъ помыслить чего противнаго царю. И всѣ лютыя казни, всѣ притѣсненія и неправды безропотно принималъ, какъ гнѣвъ Божій.

Такъ цѣпи царскія, тяжелыя, рабскія все крѣпче и крѣпче сковывали народъ.

И зорко глядѣли всѣ слуги царскіе, чтобы не задумалъ чего противъ царя народъ.

„По указу его императорскаго величества!—объявляли слуги царскіе, чтобы народъ не посмѣлъ противиться имъ.

Годъ отъ года все больше вокругъ царей скоплялось прислужниковъ разныхъ, щедро царь одѣлялъ ихъ орденами, деньгами и землями *вмѣстѣ* съ крестьянами, когда крестьяне барскими были. И вѣрной защитой для царя и его прислужниковъ было войско царское. За царя жизнь свою положить, смерть принять,—такъ присягало оно. Ни отца, ни мать, ни сестеръ, ни братьевъ—никого не щадить.

И если прикажутъ стрѣлять въ нихъ,—нельзя ослушаться приказа.

А если ослушаешься,—самъ будешь наказанъ тою же казнью. Долгой муштрой солдатъ въ послушную машину обращался.

И всегда, когда нужно было царю, когда именемъ царя начальникъ приказывалъ солдату усмирить свой народъ,—солдатъ, скрѣпя сердце, дѣлалъ это. Исполнялъ чужую злую волю.

А послѣдніе цари наши десятками тысячъ полицейскихъ, урядниковъ, жандармовъ, охранниковъ, сыщиковъ да всякихъ провокаторовъ охраняли себя отъ народа. Чуткими ушами прислушивались, зоркими глазами приглядывались всѣ эти царскіе хранители,—нѣтъ ли гдѣ противъ царя какого замысла.

Милліоны народныхъ денегъ стоила эта охрана царскихъ.

Дорого стоилъ народу царь. Росла и множилась семья царская – великіе князья да княжны,—а всѣмъ имъ доходы требовались.

Николай законъ не ограничивалъ,—сколько на себя царь можетъ истратить: сколько захочетъ, столько и истратитъ; росписью опредѣлялось лишь,—сколько наслѣднику, дѣтямъ царскимъ, царицѣ, внукамъ, правнукамъ, князьямъ да княжнамъ „императорской крови“ полагается

На содержаніе двора царскаго до послѣднихъ дней, пока царя народъ не свергнулъ, отпускалось въ годъ семнадцать милліоновъ народныхъ денегъ.

Еще царь Павелъ I закономъ, изданнымъ 5 апрѣля 1797 г., опредѣлилъ: выдавать *ежегодно* изъ *государственнаго казначейства* (народной казны) наслѣднику, какъ только нарождался на свѣтъ, по 300 тысячъ, супругѣ его — по 150 тысячъ, а во вдовствѣ—по 300 тысячъ, кромѣ содержанія дворовъ ихъ; другимъ дѣтямъ наслѣдника обоего пола, до совершеннолѣтія или до брака,—по 50 тысячъ рублей; а случится замужъ выйти,—дочерямъ и внукамъ царя выдается въ приданое изъ народной казны по одному милліону рублей, правнукамъ и праправнукамъ по 300 тысячъ, княжнамъ „крови царской"—по 100 тысячъ; царицѣ при живомъ царѣ и вдовствующей по 600 тысячъ въ годъ, кромѣ содержанія ея двора. Это все изъ народной казны (государственнаго казначейства) полагалось. А изъ удѣльныхъ имѣній и доходовъ съ нихъ тѣмъ же закономъ положено отпускать ежегодно: сыновьямъ царя, съ совершеннолѣтія, по 500 тысячъ; дочерямъ, съ совершеннолѣтія до замужества, по 150 тысячъ и т. д. Тутъ опять всѣ до одного щедро одѣляются: и внуки, и супруги внуковъ, и правнуки, и праправнуки, и всѣ князья и супруги ихъ, и всѣ княжны „царской крови".

А сколько ихъ всѣхъ было! И этого всего мало.

Сорокъ два съ половиною милліона десятинъ земли за царемъ числилось, какъ его собственность,—это кабинетскія земли, на которыхъ рудники разрабатывались.

Восемь милліоновъ десятинъ земель—за удѣломъ числилось, удѣлу принадлежало—императорской фамиліи; на удѣльныхъ земляхъ—заводы разные стояли—сахарные, винокуренные, мельницы, сады виноградные разводились,— виноградныя вина удѣльныя выдѣлывались.

Тяжелымъ ярмомъ богатства эти лежали на народной казнѣ.

А сколько земель цари да царицы графамъ разнымъ раздарили.

Какой бы царь самъ, по своей доброй волѣ, отъ такой жизни отказался, отъ власти своей надъ народомъ отрѣшился или властью съ народомъ подѣлился.

Власть, какъ вино хмельное, опьяняетъ.

Если и были у насъ цари, которые спервоначалу, какъ на царство вступали, будто прислушивались къ голосу народному,—такъ и они вскорости глухими къ народу становились; а тѣ облегченія, которыя народу давали,—на нѣтъ опять сводили. Сталъ у насъ царемъ Александръ II. Частые бунты въ ту пору были: бунтовали крѣпостные крестьяне, которыхъ помѣщики, какъ товаръ продавали, на собакъ мѣняли. Прислушался царь,—грозу почуялъ. Самъ сказалъ „если народъ сверху не освободить (т.-е. самому царю),—самъ народъ снизу освободится",—т.-е. самъ съ себя бунтомъ крѣпость барскую, помѣщичью сброситъ. Такъ и сдѣлалъ: сверху освободилъ народъ отъ крѣпости. Вышла воля крестьянину, да только безъ земли. Земля помѣщичьей осталась. Землю крестьянинъ долженъ былъ на выкупъ брать, да не столько, сколько надобилось ему, а сколько въ надѣлъ нарѣзано...

Не вѣрили крестьяне, чтобы возможно было такъ, безъ земли крестьянину-пахарю волю дать. Мѣстами наотрѣзъ отказывались землю на выкупъ брать... Силкомъ ихъ понуждали къ тому, сѣкли,—да съ нѣкоторыми такъ ничего и не подѣлали. Это съ тѣми, которые вольными на „куриныхъ надѣлахъ" остались (усадебная земля съ огородомъ).

Сорокъ восемь милліоновъ рублей выкупу этотъ царь и его наслѣдники-цари съ своихъ крѣпостныхъ за землю получили.

Да и какъ теперь оказывается, союзные народы, которые съ нами въ Крымскую кампанію воевали, поставили царю нашему требованіе—освободить крестьянъ отъ крѣпости. Самъ царь Александръ II въ письмѣ своемъ къ папѣ римскому признаетъ, что, по заключеніи мира, императоръ (французскій) Наполеонъ III убѣдилъ его „приступить къ этому дѣлу нѣсколькими мѣсяцами раньше", нежели онъ думалъ.

Даже чужимъ народамъ, какъ видно, со стороны глядя, позорнымъ казалось, что есть такое государство (русское), въ которомъ народъ въ рабствѣ находится.

Если разсудить все это,—много ли славы царю воздать можно за это дѣло освобожденія, къ которому его и чужіе понуждали и самъ народъ, грозившій бунтомъ.

Ввелъ этотъ царь новые суды, земство учредилъ, городскія думы,—только въ земствахъ не крестьянину первое мѣсто удѣлилъ, а тому же помѣщику, а въ городскія думы только домовладѣльцевъ да торговцевъ-купцовъ допустилъ.

А потомъ и это урѣзывать сталъ. Прежнихъ министровъ-совѣтчиковъ отстранилъ отъ себя, окружилъ тѣми, что врагами народу были, чтобы укрѣпили они его царскую власть.

Лучшихъ людей, молодыхъ, горячо любившихъ свой народъ, что въ народъ шли—звать его,—чтобы земли себѣ да свободъ настоящихъ онъ требовалъ,—этотъ же самый царь въ тюрьмахъ гноилъ, въ Сибирь ссылалъ, на каторгу, а то и на висѣлицу посылалъ. И судилъ ихъ старыми судами, а потомъ и военными. Загородился царь охраной: сыщиками, жандармами да полиціей.

Одинъ на одинъ въ послѣдніе годы его царствованія боролись съ нимъ тѣ немногіе люди—партія „Народной воли", которые за народъ крѣпко стояли.

Требовали отъ этого царя: дай свободу, дай народу Думу изъ выборныхъ народныхъ, которая законы писала бы, передъ которой и министры отвѣтъ держали бы. Тогда и мы одинъ на одинъ съ бомбами выходить на тебя не станемъ.

Не хотѣлъ царь поступиться своимъ самодержавіемъ. И самъ въ этой борьбѣ за свое самодержавіе палъ и тѣ, что боролись съ нимъ за народъ, на висѣлицу пошли.

Сталъ царемъ сынъ его, Александръ III.

Все, что было еще не совсѣмъ назадъ отнято, испорчено,—этотъ царь ужъ и вовсе на нѣтъ свелъ. Убавилъ представителей крестьянскихъ въ земствѣ, земскихъ начальниковъ надъ крестьянами поставилъ, суды исковеркалъ. Крутой, властный нравомъ былъ этотъ царь. Гнулъ, давилъ онъ народъ, въ темнотѣ нарочно держалъ. Одна забота у него была: *самодержавіе* свое еще пуще укрѣпить.

Какъ въ крѣпости, отсиживался этотъ царь въ своемъ дворцѣ, въ с. Гатчинѣ. Сыщики, охранники, жандармы, полиція вѣрной защитой ему были. Вездѣ эта охрана работала. Безъ суда въ тюрьмахъ годы гноила, въ Сибирь гнала. Военнымъ судомъ на каторгу, на висѣлицу посылала.

Когда случалось этому царю изъ Гатчины въ столицу пріѣхать,—ненарокомъ это дѣлалъ, чтобы никто не зналъ... Какъ по вражеской странѣ ѣхалъ,—вооруженной стражей окруженный. Гнали народъ, словно врагій, съ улицъ, по которымъ ему надобилось проѣхать; строго слѣдили, чтобы всѣ ворота, всѣ окна на запорѣ были.

Такъ и жилъ этотъ царь въ своей странѣ, словно во вражьей... И все для того, чтобы *самодержавіе свое укрѣпить*, властью съ народомъ не подѣлиться.

Крѣпко хотѣлъ держать власть надъ народомъ въ своихъ рукахъ и послѣдній нашъ царь—Николай II.

Съ того и началъ онъ, что грозный кулакъ народу показалъ.

Не только съ народомъ властью подѣлиться не помышлялъ этотъ царь, но и голоса народнаго допустить до себя не пожелалъ. На робкую просьбу тверского губернскаго земскаго собранія—допускать „до высоты престола" голосъ о нуждѣ народной не только со стороны царскихъ чиновниковъ, но и со стороны народа, царь отвѣтилъ, что считаетъ это „*безсмысленными мечтаніями*".

И думать, молъ, не смѣй, народъ, говорить царю, что тебѣ нужно: объ этомъ знаютъ царскіе чиновники.

Такъ и сказалъ этотъ послѣдній царь: я „*буду охранять самодержавіе такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный родитель*".

Такъ этотъ царь и дѣлалъ.

Да выросталъ умомъ народъ,—тѣсно, душно становилось безъ воли, безъ правъ, подъ царскими министрами, чиновниками, подъ нагайками, пулеметами, царскими висѣлицами.

Не кончилась еще несчастная для насъ японская война, которая и царю на руку была, чтобы отвлечь народъ отъ непорядковъ внутри,—война изъ-за какихъ-то земель въ далекой, чужой Маньчжуріи, которыя нужны были царскимъ приспѣшникамъ для своего обогащенія,—какъ возроптал народъ.

Поневолѣ, по приказу шелъ народъ воевать, умирать. Недавній пахарь, только что обряженный въ солдата, съ тоской говорилъ: „Изъ-за чего только смерть принимать? Коли бы онъ, японецъ, нашу землю зорилъ,—тогда такъ“...

И шелъ онъ съ тоской въ душѣ, съ ропотомъ въ мысляхъ, умирать.

И словно хоронила его родная семья: стонъ, плачъ стоялъ на проводахъ, какъ на свѣжихъ могилахъ.

И росъ всенародный ропотъ.

Въ городахъ, а потомъ и въ селахъ стали наказы составлять: нужно, чтобы царь свободы объявилъ, Государственную Думу изъ выборныхъ народныхъ созвалъ, чтобы Дума эта законы для всего народа писала, и чтобы министры царскіе передъ ней за свою работу отвѣчали.

Думали: уступитъ царь твердому слову,—только скажи это слово дружно много людей.

Какъ малый ребенокъ, все еще хранилъ въ своемъ сердцѣ народъ слѣпую вѣру: „коли дойдешь до царя да скажешь ему про горе-нужду свою,—не можетъ того быть, чтобы царь не уважалъ“.

9 января 1905 г. въ Петроградѣ огромныя толпы рабочаго народа съ женами, дѣтьми, съ священниками, съ иконами, словно крестнымъ ходомъ тронулись со всѣхъ концовъ къ царскому дворцу.

Вѣрили, ждали: выйдетъ царь къ народу... И скажетъ ему народъ всю истину-правду о горѣ-злосчастьѣ своемъ... И дастъ царь облегченіе народу.

Горько поплатился за свою вѣру народъ.

Штыками, нагайками, пулями встрѣтилъ его „кровавый царь“,—не допустилъ до себя.

На колѣняхъ стоялъ народъ, молилъ,—а его свинцомъ осыпали.

Больше тысячи человѣкъ мирнаго народа убито было еще больше—ранено.

Огнемъ пала на сердце живыхъ безвинно пролитая кровь.

Наростала обида.

Мѣстами возмущенія народныя вспыхивали. Матросы—„потемкинцы“ возстали.

Хотѣлъ царь, что называется, въ пустую отыграться,—объявилъ, было, о созывѣ совѣщательной Думы: соберутся, молъ, выборные и будутъ не рѣшать, а только докладывать царю,—какъ они думаютъ о тѣхъ законахъ, которые царь пишетъ.

Горькой издѣвкой было это надъ народомъ. Такъ это и понялъ народъ.

Осенью 1905 г. народъ забастовку на всю Россію объявилъ: стали желѣзныя дороги, остановились фабрики, заводы, водопроводы въ городахъ. Весь рабочій народъ въ городахъ покинулъ работу.

Въ первый разъ дрогнулъ, было, царь,—испугался народнаго гнѣва.

Манифестъ выпустилъ,—свободы объявилъ, Думу учредилъ,—народныхъ избранниковъ: законы разрѣшилъ Думѣ писать.

Да все это на бумагѣ только оказалось:

Въ тотъ же день, какъ „свободы вышли“, во многихъ городахъ царскіе слуги—губернаторы, полицейскіе, охранники—народъ, свободѣ радовавшійся, пулями встрѣтили, погромы начали: черную сотню наемную—изъ шпіоновъ, охранниковъ, уголовныхъ преступниковъ на народъ натравили,—а въ защиту ея стражниковъ, полицейскихъ, войска двинули.

Такъ, въ Кіевѣ, напримѣръ, было: громъ „свободы вышли“, а въ 6 часовъ вечера безоружный народъ, что на Думской площади плечо въ плечо (и женщины, и дѣти)

стоялъ,—разстрѣливать нежданно-негаданно стали, погромы начали. Три дня черная сотня громила магазины да квартиры, а гдѣ ей сопротивлялись,—воинскія части на помощь являлись, дома обстрѣливали. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ царь изъ пушекъ громилъ сердце Россіи—Москву, какъ царскіе карательные отряды смерть и ужасъ въ окрестностяхъ Москвы наводили, а потомъ и по всей странѣ.

Немало тогда отряды царскіе, карательные нарѣзали крестьянамъ земли на погостахъ—по сажени каждому на вѣки-вѣчные.

Начались страшные годы—смертныхъ казней, разстрѣловъ да ссылокъ: свирѣпствовали на Руси палачи да тюремщики.

Первую Думу, пытавшуюся защитить народъ, царь разогналъ черезъ 2½ мѣсяца, многихъ членовъ этой Думы (выборныхъ народныхъ) на каторгу отправилъ.

Со второй Думой тоже случилось,—на одинъ мѣсяцъ дольше первой прожила она. И не постѣснялся царь назадъ свое слово взять: разогналъ вторую Думу,—новымъ закономъ урѣзалъ права выборщиковъ: отнялъ право выбора у малоимущихъ, чтобы созвать покорную Думу изъ помѣщиковъ и богатыхъ промышленниковъ.

До послѣднихъ дней засѣдала такая Дума; не было въ ней избранниковъ всего народа. Но и такую Думу царь крѣпко держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Не было у нея правъ отвѣта съ министровъ царскихъ спрашивать, не говоря уже о царѣ. Еще до созыва первой Думы царь въ законахъ еще разъ подтвердилъ, что царь онъ *самодержавный*. Да и какіе законы могла такая Дума установить, когда каждый законъ долженъ еще разсмотрѣть и признать Государственный Совѣтъ. А Совѣтъ этотъ наполовину изъ назначенныхъ царемъ чиновниковъ состоялъ, а другую половину дворяне давали.

И каждый законъ еще самому царю на утвержденіе долженъ итти: не утвердитъ царь—и не быть закону. А когда Думы нѣтъ, самъ царь, никого не спросясь, законы

издаетъ. Такъ царь и дѣлалъ: разгонитъ Думу, а самъ законъ, указъ, какой ему нужно, объявитъ. Страшная война началась. Жестокія дѣла дѣлались. Царское правительство—военный министръ Сухомлиновъ—армію безъ снарядовъ оставилъ, сотни тысячъ нашихъ братьевъ, отцовъ, сыновей подъ разстрѣлъ подвелъ. Погибла бы наша армія-народъ безъ снарядовъ, безъ оружія, раздѣтая, разутая, голодная, если бы не помощь народа, не земскіе и городскіе союзы.

Продавали, предавали народъ царскіе слуги. Не хотѣли ни отвѣта, ни отчета давать никому. Одна забота была у нихъ: самодержавіе сохранить, а съ нимъ вмѣстѣ—и свою власть надъ народомъ. Не одинъ изъ депутатовъ Думы въ глаза министрамъ на думскихъ засѣданіяхъ говорилъ,—разоряютъ, предаютъ, губятъ они Россію, и не способны они министрами быть, и на руку не чисты. Въ отвѣтъ на эти рѣчи они грозили народу и продолжали дѣлать свое злое дѣло. Всякій стыдъ, совѣсть человѣческую потеряли: говори обо мнѣ, что хочешь, а я буду дѣлать свое и тебя въ бараній рогъ согну.

Всѣ дѣла ихъ злыя, темныя теперь народъ разсудитъ, и всѣмъ будетъ вѣдомо,—сколько зла они сдѣлали народу.

Напрасно Государственная Дума обращалась къ царю. Вмѣсто людей, которымъ можно было бы довѣрить,—глухой къ народному голосу, упорный, себялюбивый царь ставилъ въ министры своихъ льстецовъ, кто больше ему могъ угодить, надежнѣе его самодержавіе сохранить. Темный, развратный Гришка Распутинъ, изъ конокрадовъ, съ царемъ да съ царицей тѣсную дружбу велъ, совѣтчикомъ царю былъ, своихъ надежныхъ людей ставилъ. Наканунѣ гибели не вѣрилъ царь, что такъ круто все дѣло для него обернется. До послѣдней минуты крѣпко надѣялся: ничѣмъ не поступится,—самодержцемъ останется. Вѣрные слуги его—министры, жандармы, охранники—съ народомъ справятся,—пулеметами, пушками разстрѣляютъ. Пусть кровью народной землю родную зальютъ,—лишь бы власть его нерушимой осталась.

Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко двѣ телеграммы царю послалъ, торопилъ его—уступить народу, а то поздно будетъ... Отечество въ опасности, самому царскому дому Романовыхъ опасность грозитъ.

А вмѣсто отвѣта—указъ пришелъ: распустить Думу. Не разсчиталъ царь. Гнѣвъ народный бурей могучей поднялся,—сбросилъ его съ трона вмѣстѣ со всей фамиліей Романовыхъ. Разметалъ и все это царское устройство жизни—отъ министра до послѣдняго урядника. Освободился народъ отъ царя-самодержца. Вернулъ себѣ всѣ права, всю волю. Не стало больше *монархіи*.

Тотъ, кто задумается, какъ нарождалась, какъ крѣпла, росла у насъ власть самодержца-царя, тотъ увидитъ,—какъ крѣпко держится царь за тронъ свой, какъ не мирится онъ съ властью и волей народной.

Двѣ воли не живутъ вмѣстѣ: одна другую побороть должна.

Ясно тому станетъ: на бѣднотѣ, темнотѣ, на безправіи да на долготерпѣніи народномъ царская власть укрѣпляется.

Гдѣ царь—тамъ народъ безправный.

Тамъ надъ народомъ царскія власти стоятъ—съ нагайками, съ кандалами, а съ ними—князья, графы, помѣщики, богатые, именитые люди. Ихъ царь награждаетъ, даритъ, льготами разными взыскиваетъ. И вотъ эти одаренные, взысканные царемъ—вѣрная защита ему.

А простой народъ только для того и нуженъ, чтобы казну съ него собирать.

Гдѣ царь—тамъ и война.

Трудовому народу съ другимъ народомъ воевать не изъза чего: грабежемъ не проживешь. Безъ труда —нѣтъ жизни. То, что отнялъ, трудомъ добыто. Отнявъ трудовое,—самъ далъ право обиженному—обиду, зло затаить, а при случаѣ—назадъ отнять,—еще больше отнять, чѣмъ обидчикъ отнялъ.

Ни русскому, ни французскому, ни англійскому, ни турецкому, ни австрійскому ни нѣмецкому, никакому другому

трудовому народу не изъ-за чего убивать, разорять другъ-друга, врагами быть. Война царямъ нужна, чтобы укрѣпиться сильнѣе, капиталистамъ-промышленникамъ нужна, чтобы сбыту товара ихняго больше было, капиталъ ихъ росъ.

Да если трудовой народъ вспомнитъ, какъ жилъ онъ подъ самодержавнымъ царемъ, въ монархіи,—самому страшно станетъ.

И если допустить, что будто самъ народъ по доброй волѣ царю навѣки-вѣчные въ рабы отдался, самъ отъ всѣхъ своихъ правъ, отъ воли отрѣшился,—какимъ малымъ, неразумнымъ дитятей счесть нужно народъ.

Ну, какъ это можно, чтобы одному надъ всѣмъ народомъ полная власть дана была—казнить и миловать, какъ захочетъ, народомъ править, жизнь его строить по своей волѣ.

Да еще изъ рода въ родъ по-наслѣдству эту власть надъ народомъ передавать.

Кому, какъ не народу самому, жизнь свою по своей полной волѣ, по разуму своему строить. Кому, какъ не самому народу, знать нужды свои,—гдѣ, что не такъ, гдѣ худо, гдѣ по другому бы какъ нужно.

Вотъ и насталъ этотъ судный день для царя,—день свободы, день воскресенія народнаго. Свѣтлый, великій день. Къ новой жизни воскресъ подневольный народъ.

Въ первый разъ, больше, чѣмъ въ тысячу лѣтъ, свободный народъ можетъ устроить свою жизнь по мысли, по волѣ своей совѣсти.

Можетъ по добру сговориться,—какъ жить, чтобы всякому свободно было, обиды, притѣсненія не было, никто чтобы не понукалъ, не командовалъ имъ какъ послѣднимъ холопомъ-рабомъ.

Когда другіе народы вотъ такъ же отъ царя освобождались, монархію рушили,—учреждали они республику.

Республика—это значитъ такое устройство всей жизни народной, въ которомъ вся власть, которая царю принадлежала, за самимъ народомъ остается. Царь черезъ чиновниковъ все дѣлалъ; народъ—черезъ своихъ выборныхъ. На мѣстѣ царя—народъ; на мѣстѣ чиновниковъ царскихъ—выборные стоятъ,—выборные все дѣлаютъ. Для чиновниковъ воля царская—законъ; для выборныхъ—воля народа.

Иначе сказать,—республика—это народное управленіе.

Устройство всей жизни всего народа—сложное устройство. И о немъ нужно много и хорошо подумать.

Разныя можно устроить республики. Разныя онѣ и бывали.

Въ сѣдую, далекую старину, до Рождества Христова была такая республика, въ которой были свободные граждане и рабы,—и всѣ права и воля принадлежали только свободнымъ людямъ.

Разныя республики и теперь могутъ быть.

Не весь народъ—трудовой,—трудами рукъ своихъ живетъ.

Есть капиталисты—фабриканты, заводчики, купцы-торговцы.

Интересы у нихъ и у трудового народа—разные.

Можно вѣдь и такую республику устроить, въ которой воля капиталистовъ, фабрикантовъ, купцовъ—волю трудового народа будетъ урѣзывать.

Такую республику не назовешь истинной народной.

Больше 40 лѣтъ, какъ во Франціи утвердилась республика.

Распорядки и законы въ этой республикѣ такіе.

Во главѣ государства стоятъ тамъ: двѣ народныя Палаты, составленныя изъ выборныхъ народныхъ (одна называется—Палата Депутатовъ, другая—Сенатъ), президентъ и министры.

Президентъ—выборный,—выбираютъ его на 7 лѣтъ обѣ палаты, собравшись вмѣстѣ.

Президентъ—главный надъ всѣмъ войскомъ. Но самъ

объявить войну или заключить міръ онъ не можетъ: требуется согласіе обѣихъ палатъ.

Президентъ опубликовываетъ законы, которые напишутъ обѣ палаты. На немъ и забота лежитъ, чтобы законы эти исполнялись.

Можетъ Президентъ вернуть законъ обратно Палатамъ, чтобы онѣ еще разъ его обсудили,—но отмѣнить или измѣнить законъ не можетъ.

Дано право Президенту распустить Палату Депутатовъ съ согласія другой Палаты—Сената, раньше срока, на который депутаты избраны народомъ. На этотъ случай въ законѣ точно установлено,—въ какой срокъ депутаты вновь должны быть избраны народомъ, и когда эта новая Палата Депутатовъ должна собираться.

Президентъ самъ назначаетъ министровъ.

Только если Палаты скажутъ, что министрамъ, которыхъ онъ назначилъ, онѣ не довѣряютъ,—министры немедля уходятъ въ отставку.

Отвѣчаетъ президентъ по суду только за государственную измѣну, если что замыслитъ противъ своего народа. Предаетъ его суду Палата Депутатовъ.

Палата Депутатовъ составляется изъ выборныхъ; выбираетъ ихъ весь народъ (на основѣ всеобщаго и тайнаго голосованія). на 4 года; право выбирать и быть избраннымъ принадлежитъ каждому французу, которому исполнилось 25 лѣтъ.

Палата Депутатовъ составляетъ законы для всего народа, блюдетъ, чтобы все устройство жизни народной не рушилось. Ей даютъ отчеты о своей работѣ министры; ей и власть принадлежитъ заставить уйти министровъ въ отставку, или отдать ихъ подъ судъ за преступленія по должности.

Палата Депутатовъ, какъ уже сказано, можетъ и самого президента подъ судъ отдать за государственную измѣну.

Другая Палата—Сенатъ тоже изъ выборныхъ составляется. Только выбираютъ ихъ не прямо въ Сенатъ, а

сначала избираютъ выборщиковъ (делегатовъ) отъ каждой округи,—а они уже изъ себя выбираютъ въ Сенатъ (сенаторовъ). Выбираютъ ихъ не на 4, а на 9 лѣтъ, и выбраннымъ можетъ быть только тотъ, кому исполнилось 40 лѣтъ. Сенатъ, какъ и Палата Депутатовъ, составляетъ законы для всего народа.

Каждый законъ при этомъ устройствѣ долженъ быть принятъ и признанъ обѣими Палатами. Только тогда онъ будетъ закономъ для всего народа.

И выходитъ,—если Палата Депутатовъ выработаетъ какой-нибудь законъ, который, по ея мысли, нуженъ народу,—Сенатъ можетъ такой законъ не признать. Тогда и закона, какого хотѣла Палата Депутатовъ, не будетъ.

Сенатъ и судитъ президента и министровъ, если Палата Депутатовъ отдастъ ихъ подъ судъ; тогда Сенатъ превращается въ Верховный Судъ.

Согласіе Сената, какъ сказано выше, нужно, чтобы распустить Палату Депутатовъ.

Обѣ Палаты собираются въ одно и то же время и работаютъ положенный въ законѣ срокъ (не меньше 5-ти мѣсяцевъ въ году).

Не въ очередь, экстренно, можетъ созвать ихъ Президентъ.

Такое учрежд іе во Франціи двухъ Палатъ, не прямые выборы въ Сен. гъ да еще въ возрастѣ не моложе 40 лѣтъ, право распустить, съ согласія Сената, Палату Депутатовъ раньше срока—объясняется тѣмъ, что при учрежденіи республики боялись,—какъ бы темный, еще не совсѣмъ прозрѣвшій народъ не послалъ въ Палату такихъ депутатовъ, которые стали бы тянуть къ старому, царскому порядку.

Но кто можетъ поручиться, что теперь, при такихъ выборахъ,—въ Сенатъ не проходитъ больше защитниковъ богатыхъ людей, чѣмъ трудового народа.

Считать это устройство жизни французскаго народа за самое лучшее нельзя. И строить по нему въ точности и свою жизнь не приходится.

Великая война, въ которой всѣ воюющіе народы пролили столько крови, принесли столько человѣческихъ жертвъ, такъ въ конецъ надорвали себя,—откроетъ глаза всѣмъ народамъ.

Старое устройство жизни вездѣ должно рухнуть или передѣлаться по-новому: рухнуть въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ все еще былъ въ рабствѣ у своихъ правителей, передѣлаться тамъ, гдѣ трудовой народъ не имѣлъ своей полной воли, гдѣ надъ его волей стояла воля богатыхъ людей.

Какъ всякая избенка на столбахъ утверждается, а большой домъ—на фундаментѣ, чтобы не ушелъ онъ въ землю и не рушился,—такъ и устройство жизни народной, республика на правахъ народныхъ да на свободахъ утверждается. Если всѣ права народу принадлежатъ, если весь народъ свободенъ, значитъ: *каждый*, кто бы онъ ни былъ, въ правахъ одинъ другому равенъ,—никому никакихъ льготъ и попустительствъ, никакихъ лишнихъ правъ,—всѣ до одного равноправные граждане; каждый воленъ той или другой вѣры держаться (христіанской, магометанской, іудейской) по своей совѣсти, и никто ему не можетъ вѣры своей силой навязывать, понуждать вѣрить по-другому; каждый можетъ свободно говорить, писать и печатать о томъ, что онъ думаетъ по всей совѣсти своей. Силой нельзя заставлять человѣка ни молчать, ни думать не такъ, какъ онъ думаетъ.

Правда—не въ силѣ. Не тотъ правъ, кто силенъ. Со словомъ,—говорится ли оно, печатается ли—въ книжкахъ, въ газетахъ,—словомъ только и бороться можно: доказывать, что слово это неправильное.

За слово свое каждый передъ своей совѣстью, да передъ народомъ отвѣчаетъ.

И если к[illegible] будетъ злое слово говорить, звать народъ—идемъ грабит[illegible]чить, рѣзать, развратничать,—тотъ за слово такое [illegible] судомъ отвѣтъ держитъ, по закону.

Всѣ, никого не спрашиваясь, могутъ собираться вмѣстѣ —обсудить что, союзы, общества разныя, артели устраивать, чтобы какое-нибудь дѣло сообща дѣлать.

Свободно можетъ трудовой народъ стачки устраивать и никакая власть стачки этой запретить не можетъ. Стачки нужны трудовому народу, чтобы съ утѣсненіями бороться, защищать свой интересъ отъ фабрикантовъ и всякихъ другихъ хозяевъ, которымъ нуженъ наемный трудъ.

Никто не можетъ быть свободы лишенъ, подъ арестъ посаженъ не по закону.

И если кто будетъ задержанъ милиціей на мѣстѣ преступленія, съ поличнымъ,— держать его подъ арестомъ дольше 24 часовъ не можетъ своей властью тотъ, кто за порядкомъ слѣдитъ; въ эти 24 часа онъ долженъ судебной власти дать знать,—кого и за что задержалъ онъ. И судебная власть должна рѣшить: есть ли улики для того, чтобы арестованнаго дольше держать, и если не выпустить его,— послѣ 24 часовъ арестованный уже за судебной властью числится, и на ней весь отвѣтъ лежитъ и обязанность — разсудить скорѣе дѣло по законамъ.

Жилище каждаго закономъ охраняется: чтобы обыскъ, выемку сдѣлать, тотъ, кто за порядкомъ слѣдитъ, долженъ съ судебной властью сговориться, постановленіе написать, и при обыскѣ, кромѣ понятыхъ, долженъ быть кто-нибудь отъ судебной власти, чтобы все по закону было сдѣлано, обиды не вышло какой.

На этихъ свободахъ и равенствѣ каждаго, на обезпеченіи личности и строится республика. На этихъ свободахъ и равенствѣ каждаго и Французская, и другія республики устроены.

Только въ истинной республикѣ жизнь народная должна быть такъ устроена, чтобы воля и права *трудового народа* были въ ней твердо закрѣплены и обезпечены. Для этого нужно истинное народное управленіе. На чужомъ языкѣ такое управленіе называется *демократической республикой*.

На обязанности и совѣсти нашего Учредительнаго Собранія и будетъ учредить истинное народное управленіе, истинную демократическую республику.

Для этого нужно прежде всего, чтобы то высшее государственное учрежденіе, которое будетъ законы писать и новое устройство жизни хранить, *одно* было. Одна Государственная или Народная Палата или Дума, какъ бы названа она ни была. Не двѣ, какъ во Франціи, а одна на всю Россію.

И выборные въ эту Палату выбирались бы такъ же, какъ и въ Учредительное Собраніе, т. е. на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Чтобы выбиралъ ихъ весь народъ—и мужчины и женщины, какой бы вѣры они ни держались, къ какой бы народности ни принадлежали, какихъ бы достатковъ и учености ни были,—и богатый и нищій, и ученый и неграмотный, и чтобы голосъ каждаго равенъ былъ по силѣ и поданъ одинъ только разъ, тайно. Выбирать нужно на года, года, положимъ, на два. Засѣдать изо дня въ день всѣ два года Народная Палата, разумѣется, не можетъ, да и нѣтъ надобности, и въ законѣ должно быть указано,- сколько мѣсяцевъ въ году Палата должна работать въ полномъ составѣ (всѣ выборные) и сколько разъ въ году собираться.

А если во время перерыва работъ случится надобность экстренно, не въ очередь, созвать Народную Палату,—созываетъ ее предсѣдателъ Народной Палаты, котораго сама изъ себя выбираетъ Палата.

Созвать не въ очередь можетъ онъ, когда, по его мысли, нужда въ томъ случится неотложная; долженъ созвать, если потребуютъ того, положимъ, человѣкъ 10—20 самихъ депутатовъ.

Этой одной на всю Россію Народной Думѣ народъ довѣряетъ свою власть и свои права.

Народная Дума крѣпко хранитъ новое устройство жизни,—распорядки и основные законы, которыми Учредительное Собраніе закрѣпило новое устройство жизни.

Народная Дума пишетъ новые законы, какіе понадобятся. Однако, не такіе, которыми отмѣнялись бы основные законы, написанные Учредительнымъ Собраніемъ: для переустройства жизни опять по-новому; съ измѣненіемъ этихъ законовъ, нуженъ созывъ новаго Учредительнаго Собранія.

Народной Думѣ, и только ей, должно принадлежать право войну объявлять и миръ заключать,—а еще лучше, разумѣется если такой вопросъ, какъ война, всѣмъ народомъ рѣшается,—всеобщимъ голосованіемъ. Только рѣшать такъ,—всему народу чтобы голосъ подать, тогда можно, когда время терпитъ. А можетъ случиться,—скоро, немедля нужно рѣшить. Тогда только и можетъ рѣшить его Народная Дума

Изъ себя, изъ своего состава, Народная Дума выбираетъ старшаго министра и другихъ министровъ, которые должны наблюдать за исполненіемъ законовъ, за соблюденіемъ новыхъ порядковъ, за народнымъ хозяйствомъ, имуществомъ. Передъ Народной Думой и отвѣчаютъ министры, ей и отчетъ даютъ, по ея рѣшенію и власти лишаются, новыми замѣняются. Ихъ Дума и суду предаетъ, если что они сдѣлаютъ во вредъ народу. Ни въ какомъ президентѣ нѣтъ нужды. Нѣтъ нужды въ одномъ человѣкѣ, какъ бы онъ ни выбирался,—давать ему больше власти, чѣмъ другимъ.

Вся власть тогда за Народной Думой будетъ, а министры только исполнять будутъ, наблюдать.

Министры—довѣренные люди и отвѣтственные,—сами изъ состава Народной Думы, т. е. выборные всего народа.

И если нужно, чтобы одинъ изъ министровъ старшій былъ, то нужно это только для того, чтобы вся работа, которую они будутъ дѣлать, велась въ согласіи всѣми, по совѣту ихъ,—а старшій, предсѣдатель, наблюдалъ, чтобы каждый дѣлалъ по соглашенію, а не по одному своему разумѣнію.

Самое главное въ демократической республикѣ, это—то, чтобы вся жизнь снизу доверху утверждена была на выборномъ началѣ, чтобы всѣ комитеты, правленія, думы, кото

рые на мѣстахъ—по городамъ, губерніямъ, селамъ разныя дѣла вѣдаютъ, жизнь налаживаютъ,—изъ выборныхъ составлялись.

И выбирали этихъ довѣренныхъ людей всѣ жители на той же основѣ—всеобщаго равнаго, прямого и тайнаго голосованія, какъ въ Учредительное Собраніе.

И еще важно, чтобы народъ по мѣстамъ — въ городахъ, селахъ, губерніяхъ—шире вѣдалъ дѣла по устройству мѣстной жизни, чтобы не только хозяйственную, продовольственную часть, охрану, заботы о здоровьѣ, о лѣченіи вѣдали его выборные, но и въ судебной и учебной части права его были. Не министръ мировыхъ судей назначаетъ, а выбираетъ ихъ народъ, а другихъ судей выбираютъ изъ себя тѣ, кто по судебной части работаетъ, законы знаетъ, и, кромѣ законниковъ, въ составѣ судовъ должны быть и представители отъ народа—присяжные.

А министръ черезъ своихъ назначенныхъ (прокуроровъ), только наблюдаетъ, чтобы законы правильно примѣнялись, не рушились.

И въ учебной, въ школьной части тоже: выборъ учителей до распорядителей въ школахъ по соглашенію долженъ б ть тѣхъ, кто этому дѣлу отдался, и тѣхъ выборныхъ думъ и совѣтовъ, которые къ школьному дѣлу касательство имѣютъ.

Это —коренное условіе, чтобы республика тверже укрѣплялась, чтобы укрѣплялъ ее самъ народъ своей работой.

Учредивъ такое справедливое для всѣхъ устройство жизни. нужно еще важный вопросъ рѣшить,—вопросъ объ арміи. Много милліоновъ народныхъ денегъ тратили въ мирное время всѣ государства на вооруженіе, на содержаніе большихъ армій. Тратили потому, что боялись другъ-друга: гдѣ народомъ цари правили, а гдѣ воля богатыхъ людей—капиталистовъ-промышленниковъ надъ волей трудового народа стояла, и не было полной воли и правъ у трудового народа.

Не было государства, которое насъ не боялось бы, а боясь, не готовило бы оружіе да сильныя арміи.

Вильгельма германскаго боялись, какъ и посейчасъ боятся, пока трудовой германскій народъ не сбросилъ его, какъ мы своего Николая II, не взялъ въ свои руки полную власть—жизнь свою по своему разумѣнію устроить. Боялись англійскаго и другихъ правительствъ, защищавшихъ капиталистовъ-промышленниковъ.

И укрѣплялась вездѣ военщина, въ силу входила,—грозой выростала. И тяжелымъ ярмомъ ложились на народъ расходы на нее—на пушки, бомбы, военные корабли.

Трудовому народу не изъ-за чего воевать другъ съ другомъ: на трудѣ, а не на войнѣ, не на силѣ, не на захватахъ строитъ онъ свою жизнь. И въ демократической республикѣ не можетъ, не должна укрѣпляться военщина, не можетъ, не долженъ и не будетъ народъ трудъ свой и милліоны денегъ своихъ на пушки давать.

Не будетъ держать постоянной арміи, какую прежде правительства да цари держали.

Вмѣсто постоянной арміи народное ополченіе будетъ.

Каждый молодой гражданинъ, кому исполнился назначенный для призыва возрастъ, будетъ призываться на нѣсколько недѣль—военнымъ пріемамъ обучаться, потомъ всѣ по домамъ, къ своей мирной работѣ разойдутся. А если случится надобность съ оружіемъ на защиту свободнаго народа встать,—всѣ, которые изъ годовъ еще не вышли, собираются по первому зову. Изъ нихъ и образуется армія свободнаго народа.

Это дѣло военное, надрывающее силы, разоряющее казну народную,—дѣло всѣхъ государствъ,—общее всенародное дѣло.

Вотъ почему нужно, чтобы всѣ народы, всѣ государства сговорились другъ съ другомъ о разоруженіи, чтобы нигдѣ не допускалось усиленія военщины—угрозы другимъ народамъ.

Устраивая Россійскую демократическую республику, нужно выръшить вопросъ и о разныхъ народностяхъ, которыя живутъ въ Россіи.

Велика пространствомъ Россія, и много на этомъ пространствѣ разныхъ народностей живетъ.

Каждая изъ народностей, которая не по всему простору разбросалась, а въ одной мѣстности (области, округѣ) живетъ, по своимъ обычаямъ,—сама можетъ и свою жизнь внутри себя, своей округи, наладить, сама управляться, свои правила черезъ свои выборные комитеты, правленія, думы для себя устанавливать. Только чтобы и для нея, какъ и для всей Россіи, одно было заглавное устройство на выборномъ началѣ, на свободныхъ, правахъ да на кровныхъ интересахъ трудового народа, которое для всей Россіи Учредительное Собраніе выработаетъ. И чтобы *одна* была для всѣхъ такихъ округъ, для всего народа Народная Палата (Дума), которая главные, нужные для всего народа законы пишетъ, права, свободу, интересы трудового народа хранитъ и закрѣпляетъ и блюдетъ, чтобы нигдѣ истинное народное управленіе не рушилось. Такое устройство, которое допускаетъ широкое самоуправленіе, свои, мѣстные распорядки по своимъ „обычаямъ" (свой родной языкъ въ школахъ, въ народныхъ учрежденіяхъ и прочее), *автономіей* называется. Слово это опять чужое,—греческое: „автосъ"—„самъ" значитъ, а „номосъ„—законъ, правило. *Сама,* значитъ, для себя каждая округа *правила* устанавливаетъ, поскольку правила эти заглавныхъ законовъ для всего народа не касаются, не мѣняютъ.

Такое („автономное") устройство жизни (самоуправленіе) разныхъ народностей, которыхъ сблизила, связала вмѣстѣ вся прожитая жизнь, можетъ быть проведено и еще шире, полнѣе.

Каждая, напримѣръ, народность (округа) можетъ полнѣе сама себя опредѣлить, свои народныя Думы, Палаты учредить,—жизнь свою на томъ же выборномъ началѣ, свободѣ и правѣ всѣхъ устроить, чтобы вездѣ было истинное народ-

ное управленіе. Только между всѣми тогда сговоръ, союзъ долженъ быть. Соглашеніе должно быть, чтобы всѣ, когда нужда придетъ, сообща свободу свою защищали, чтобы нигдѣ народное управленіе не рушилось, нигдѣ оно не передѣлалось на царское устройство; чтобы всѣ новые законы, которые для всѣхъ нужны, *одна* Союзная Народная Палата изъ выборныхъ отъ всѣхъ округъ писала.

Наблюдать, чтобы законы эти исполнялись, и главная основа жизни народной не рушилась, можетъ совѣтъ изъ выборныхъ отъ всѣхъ,—Союзный Совѣтъ. Такъ, напримѣръ, американцы живутъ: каждая округа,—„штатъ" по-ихнему,—самъ себя, свою жизнь опредѣлилъ,—а всѣ вмѣстѣ они въ соглашеніи состоятъ,—потому и называются Соединенные Штаты.

Такъ швейцарцы живутъ: двадцать двѣ округи,—поихнему „кантоны",—соединились въ одинъ союзъ. Законы, какіе для всѣхъ понадобятся, пишутъ тамъ—не одна Палата, какъ бы это слѣдовало,—а двѣ Палаты *), въ эти Палаты посылаетъ народъ своихъ выборныхъ изъ каждой округи („кантона). А наблюдаетъ, чтобы законы эти исполнялись. Союзный Совѣтъ, въ который выбираютъ двѣ названныхъ выше Палаты.

Такое устройство жизни нѣсколькихъ народовъ называется договорной, товарищеской республикой,—по-чужому—*федеративной республикой.*

Какъ бы тамъ ни было, только у каждаго народа истинное народное управленіе или демократическая республика,—скажемъ еще разъ,—должна утвердиться сверху донизу на выборномъ началѣ, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, на свободѣ и правахъ трудового народа. И то государственное учрежденіе—Народная Палата, которая законы пишетъ и все устройство жизни хранитъ,—*одно* должно быть для всего народа, избранное на указанной основѣ голосованія.

---

*) Одна Палата зовется—„Національный Совѣтъ", а другая—„Совѣтъ Кантоновъ".

Выборными и отвѣтственными по суду за свою работу должны быть и министры, которые наблюдаютъ за исполненіемъ законовъ и соблюденіемъ порядковъ, учрежденныхъ народомъ.

Черезъ своихъ выборныхъ, отвѣтственныхъ за дѣла свои, и весь народъ по мѣстамъ жизнь свою налаживаетъ.

